

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА ВОСТОЧНЫХ БЕЛОРУСОВ

В.В. Кириенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Анализируя социокультурные аспекты формирования отечественной модели рациональных, товарно-рыночных отношений, большинство исследователей приходят к выводу, что в восточно-славянских государствах - России, Украине, Беларуси отсутствует *аналог западноевропейского протестантизма*. Начиная с петровских реформ все попытки сделать «прививки» протестантизма на восточно-славянскую почву не увенчались успехом. Но отечественная история подарила восточно-славянским этносам не менее рационально-деятельную культуру старообрядчества. Большинство отечественных, и не только отечественных, исследователей сходятся во мнении, что *старообрядчество и протестантизм в становлении цивилизационных капиталистических отношений сыграли одинаковую роль*.

Действительно, и старообрядцев, и протестантов отличали, во-первых, высочайшая трудоспособность, переходящая в трудоголизм, во-вторых, эффективное хозяйствование, рационализм и предприимчивость, в-третьих, добровольное ограничение в личном потреблении, переходящее в аскетизм. Именно эти характеристики и являются необходимым условием формирования не только экономических, но и эффективных социально-рыночных отношений.

В формировании белорусского этноса старообрядчество сыграло существенную роль. Дело в том, что формирование белорусского этноса, по крайней мере, его восточного сегмента (восточных районов современных Гомельской, Могилевской и Витебской областей), осуществлялось в одновременном взаимодействии с двумя вариантами великорусского этноса: великорусским - православным и великорусским - старообрядческим. Ибо уже с середины XVII века, после происшедшего «раскола», формально в православной церкви, а фактически - в российском этносе, реально существовало два великорусских субэтноса. Как отмечал авторитетный исследователь русского этноса Л. Гумилев, неконструктивный, а потому непримиримый церковно-обрядовый спор между партиями Никона и Аввакума на самом деле «выражал раздвоение русского этноса, с последующим *выделением субэтноса старообрядцев*» [1, с. 280]. (Выделено мною, В.К.).

Словно по иронии судьбы, не приняв радикальных, «прозападных» реформ, начатых официальной православной церковью при поддержке царского двора, часть старообрядцев выселилась сначала на западные рубежи Российской империи, а затем и за границу, в Литву, на территорию современной Беларуси. «В первые десятилетия раскола основная масса старообрядцев-поповцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край - в район Стародубья. ... От стародубских старообрядцев часть отпочковалась и, перейдя польскую границу, основала свои поселения в местности Ветка на реке Сож» [2, с. 61]. Не легкой жизни искали непокорные беглецы и не только старые иконы и церковные книги, старую веру и церковные обряды сохраняли люди, выбравшие для своей новой Родины не теплые черноземные степи Причерноморья, а мало приспособленные для жизни территории заболоченного тогда Белорусского Полесья. Как показала потом более чем двухсотлетняя практика, в понятие «старый обряд» возможно и не вполне осознанно, но совершенно реально, старообрядцами включались не только набор старинных богослужебных книг, икон старого

письма и церковно-служебных ритуалов, но и вся совокупность жизненного уклада, социальных норм, обычаев и традиций, принципиальных основ человеческого взаимодействия, выработанных, выстраданных славянами.

Расположенная на некогда заболоченном месте, Ветка достаточно быстро превратилась не только во всероссийский раскольничий духовный, но и во влиятельный торгово-производственный центр. Как утверждают историки, «стародубские и в особенности ветковские поповцы развернули активную промысловую и торговую деятельность» [2, с. 61].

Сохраняя свой внутренний духовный мир, ветковские старообрядцы не были фанатиками, ушедшими в непроходимые дебри, отгородив себя от всего мира. Производственная и особенно торговая сферы деятельности ветковских старообрядцев являются подтверждением того, что они находились с местным населением в тесном хозяйственном взаимодействии.

В течение двух с половиной столетий отстаивания своего самобытного образа жизни, старообрядцы Беларуси выработали и поддерживали свой собственный, закрытый от внешнего мира, достаточно жесткий жизненный алгоритм. К концу XIX века по образу жизни, обычаям, обрядам старообрядцы белорусских губерний значительно отличались и от белорусов, и от православных великоруссов. Если, по мнению очевидцев, православное великорусское население «...сильно сливается с белорусским, представляет мало типичных черт, составляя переход от белорусских к псковским, московским и калужским великоруссам» [3, с. 207], то «великоруссы-старообрядцы совершенно не сливаются с белорусами, и как в языке, так и во всем домашнем обиходе твердо держатся своей национальности» [3, с. 204]. При этом, быт, уклад жизни старообрядцев конца 19 века выгодно отличались от соседних этносов. «При самом въезде в городок ... можно встретить подряд несколько домов, представляющих собою контраст с общим видом местечка и даже контраст с преобладающим типом построек. Большая деревянная изба срублена по-великорусски с косячатыми окнами, украшенными резьбой великорусских образцов; высокий тесовый забор окружает весь двор; ворота и калитка облицованы затейливой резьбой; на воротах восьмиконечный крест. За забором виднеются хозяйственные постройки, амбары, сараи, столь же основательно сделанные. Неизменная принадлежность двора - колодец. Двор усыпан песком, кругом чистота, необычная для коренных жителей края; за двором виднеется фруктовый сад. Это - жилище великорусса-старообрядца.

В сельских поселениях дворы старообрядцев более подходят к крестьянским, хотя все-таки резко выделяются своим великорусским типом, размерами, резными карнизами, наконец, разделением дома на две половины - жилую и чистую; в жилой, сходной по устройству с белорусской избой, живет семья, занимаясь хозяйственными работами. В чистой половине - пол крашеный, столы, стулья, голландская печь и в углу двухспальная кровать, завешанная коленкоровым или ситцевым пологом. В комнате расставлены сундуки с ценным платьем и вещами. Здесь помещаются хозяин и хозяйка. Эта же комната служит для приема гостей. В обоих помещениях много икон, особенно в чистой комнате. Везде чистота и опрятность безукоризненные. Следует добавить, что великорусская баня является неизбежной принадлежностью старообрядческого двора [3, с. 204].

При более результативной хозяйственной деятельности, зажиточном достатке, современники отмечали у староверов достаточно аскетический образ жизни, бросающееся в глаза не вынужденное, а совершенно добровольное ограничение в личном потреблении. «И в пище старообрядцы сохранили свои привычки: щи, квас и чай являются любимыми предметами потребления... При этом, нельзя не отметить у старообрядцев

одной очень симпатичной черты: они очень мало употребляют спиртных напитков, а многие и вовсе не пьют» [3, с. 205].

Отличительной чертой, выделяющей старообрядцев среди местного населения, являлась «многопрофильность» и высокий профессионализм их деятельности. Староверы-земледельцы вели, говоря современным языком, не экстенсивное, а интенсивное землепользование. Как известно, «...садоводство и огородничество принадлежат к самым интенсивным хозяйствам: они требуют значительной производительной затраты; кроме того, ведение дела без специальных знаний и опытности невозможно» [3, с. 299]. По свидетельству очевидцев, именно стараниями старообрядцев на территории восточной Белоруссии распространялось огородничество и садоводство. «Среди старообрядцев, живущих в городах, большинство занимается садоводством и огородничеством» [3, 206]. В отличие от местного населения, старообрядцы-огородники «разводят всевозможные овощи, как-то: капусту местную, греческую, коломенскую, сабурскую, огурцы местные, муромские и вязниковские, морковь простую и воробьевскую, свеклу кормовую и столовую, красную и черно-красную салатную, брюкву кормовую и столовую, а также репу, редьку, редис, тыкву, лук, чеснок, салат, петрушку, фасоль, сахарный горох и другие овощи и пряные растения» [3, с. 251].

Отличительной особенностью сельскохозяйственной деятельности старообрядцев являлось также и то, что в отличие от местного населения, ведущего в основном натуральное землепользование, староверы осуществляли, как правило, промышленное и товарное землепользование. «В Могилевской губернии промысловое огородничество ... развито во многих местностях уездов Гомельского, Чериковского, Мстиславского, Рогачевского, а также около г. Могилева, оно здесь составляет специальное занятие городских мещан, евреев и старообрядцев» [3, с. 250]. Не имея в достатке своей земли, старообрядцы арендовали ее у местных помещиков. Кропотливый огороднический труд староверов был достаточно эффективным и приносил высокие прибыли. Так, при средней стоимости аренды за одну десятину 50 -70 рублей, средняя выручка с десятины под огурцами у старообрядцев-огородников доходит до 350 руб. [3, с. 251]. Следует также отметить, что белорусские старообрядцы занимались и товарным семеноводством, требующим еще большей усердности и скрупулезности, чем огородничество. «Посевные семена получают крестьянами и некоторыми земледельцами у огородников: продажа семян в довольно значительных размерах существует в м. Ветка и на ярмарках в Гомеле и Могилеве» [3, с. 251].

Помимо высококвалифицированных специалистов-земледельцев «из старообрядцев выходят *очень дельные торговцы, иногда весьма богатые, и ремесленники*; многие занимаются *подрядами*. Ведя *трезвую жизнь, отличаясь природной сметкой, физической крепостью*, имея *опору* в случае материальной нужды у *своих единоверцев*, старообрядец является *прекрасным работником, торговцем и подрядчиком*, заслуживающим *всеобщее доверие*. В западном крае относятся к старообрядцам с *большим уважением* как к *деловым людям*, хотя и не всегда их *долгобливают*. По сравнению с торговцем и ремесленником - евреем *старообрядец отличается гордостью и недоступностью*. Он не продаст *гнилой* товар за *свежий* по дорогой цене и, раз *назначив цену* на товар, неохотно *ее сбавляет*, старообрядец-торговец столь же неохотно открывает *мелкий кредит*. Во всех этих отношениях *еврей податливее*. Впрочем, несмотря на конкуренцию *евреев*, старообрядцы очень хорошо устраивают *торговые и ремесленные дела*» [3, с. 206]. (Выделено мною, В.К.).

Неоценимый вклад старообрядчество внесло в образовательную культуру восточных белорусов. Ветка вместе с прилегающими к ней слободами была известна как значимый центр иконописи и книгопечатания. Ветковские иконо- и книгописцы были известны и желанны во всем старообрядческом мире. «У канцы XVII - пачатку XVIII ст.

сфарміравалася веткаўская школа іканапісу. У Ветцы вучыліся гэтай справе не толькі мясцовыя староверы, але і прышлыя людзі з іншых раёнаў Беларусі а таксама з Расіі, Украіны, якія часта не падзялялі ідэй расколу»¹. По существующим в старообрядческих общинах нормам, грамоте обучались все сословия. При монастырях и церквях создавались школы грамоты. Кроме грамоты, специальные учителя, переходя из одной слободы в другую, давали детям первоначальные профессиональные знания. Отличительной особенностью образовательной системы старообрядцев было то, что обучению грамоте подлежали не только мальчики, но и девочки. Существенным было также и то, что образование у старообрядцев было по своей сути внегосударственным. Обучение грамоте в том числе и сельских детей, осуществлялось по собственной инициативе общин и на их деньги.

Говоря об общих чертах протестантизма и старообрядчества в формировании рационально-деятельных начал, следует подчеркнуть и их существенное различие. В отличие от протестантизма, абсолютизовавшего *индивидуализм* как норму жизни, старообрядчество культивировало традиционную славянскую *общинность*. Величайшей заслугой протестантизма является «окультуривание» гримас уже сложившегося «дикого» капитализма. Старообрядчество же создавало первые в Российской империи очаги капитализма, изначально блокировало механизмы социального антагонизма, создавало уникальные формы общинного капитализма.

Старообрядчество создавало уникальные межобщинные формы не только религиозно-культурных, но и культурно-образовательных, экономико-хозяйственных и геноэтнических взаимоотношений. По сути дела, в рамках старообрядчества было создано «государство в государстве». Точнее, межгосударственное объединение. Будучи «негосударственным», старообрядческое объединение сохраняло удивительно устойчивый иммунитет против проникновения в него преступных уголовных элементов. Старообрядчество никогда не было «антигосударственным» ни для Речи Посполитой, ни для Российской империи.

В старообрядческом общинном «государстве» не было и намека ни на восприятие в западноевропейской культуре робингудовские общины, ни на прославленное А.С. Пушкиным «милосердие» Дубровского, ни, тем более, на современные уголовно-преступные «общаки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Рольф, 2001. - 557 с.
2. Крывелев И.А. История религий. - М.: Мысль, 1976. Т. 2. - 420 с.
3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества /Под ред. П.П. Семенова. - СПб., 1904. - Т. 9. - 620 с.

¹ Памяць. Веткаўскі раён. Кн. 1. - Мн.: БЕЛТА, 1997. - С. 61.